

СИНТЕЗ АРХЕТИПОВ БАТЫРА И МУДРЕЦА: НАЦИОНАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ГЕРОЯ В РОМАНЕ Т. К. КАИПБЕРГЕНОВА «СКАЗАНИЕ О МАМАН-БИЕ»

Арысланбек Алламуратов,

Ассистент преподаватель Каракалпакский государственный университет имени Бердаха.

bayka9140@gmail.com

+998 91 379 35 25

0009-0005-1274-5231

DOI: <https://doi.org/10.54613/ku.v19iB.1860>

MAQOLA NAQIDA/ О СТАТЬЕ

Qabul qilindi: 2-oktabr 2026-yil

Tasdiqlandi: 5-oktabr 2026-yil

Jurnal soni: 19-B

Maqola raqami: 26

KALIT SO'ZLAR/ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

«Сказание о Маман-бие», национально-этический идеал, героический эпос, литературный герой, историческая поэтика

ANNOTATSIIYA/ АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу национально-этического идеала героя в романе Т. К. Каипбергенова «Сказание о Маман-бии» – первой книге дилогии «Дастан о каракалпаках». Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью механизмов, посредством которых роман формирует образ национального героя, соединяющий традиционные архетипы тюркоязычного героического эпоса с задачами исторического повествования нового типа. Методологическую основу составляют структурно-типологический и историко-генетический подходы. В статье также раскрывается роль исторической памяти и национальных нравственных ценностей в формировании художественного образа Мамана-бия. Особое внимание уделяется тому, как автор посредством поступков героя, его отношения к народу и способности принимать взвешенные решения передаёт представления каракалпакского народа о справедливом правителе и достойном общественном деятеле. Подчёркивается, что единство воинской отваги, жизненной мудрости, дипломатического такта и высокой ответственности за судьбу окружающих формирует целостную модель национально-этического идеала. Рассматривается также значение фольклорных традиций, историко-культурных представлений и художественных средств повествования в раскрытии внутреннего мира персонажа. Подобный подход позволяет глубже понять идейно-эстетическое содержание романа и его значение в сохранении духовного наследия каракалпакского народа.

ABOUT THE PAPER

Accepted: 2 October 2026

Approved: 5 October 2026

Volume: 19-B

Paper number: 26

KEYWORDS

"The Tale of Maman-biy", national-ethical ideal, heroic epic, literary hero, historical poetics

ANNOTATION

This article analyzes the national-ethical ideal of the hero in T.K.Kaipbergenov's novel "The Tale of Maman-biy" the first book of the "Dastan about the Karakalpak" diology. The study is relevant due to the insufficient research into the mechanisms by which the novel shapes the image of a national hero, combining traditional archetypes of the Turkic heroic epic with the objectives of a new type of historical narrative. The methodological framework relies on structural-typological and historical-genetic approaches. The article also explores the role of historical memory and national moral values in shaping the artistic image of Maman-biy. Particular attention is paid to how the author conveys the Karakalpak people's understanding of a just leader and a worthy public figure through the protagonist's actions, his attitude towards the people, and his ability to make well-considered decisions. The study emphasizes that the unity of military courage, practical wisdom, diplomatic tact, and a strong sense of responsibility for the fate of others forms an integrated model of the national ethical ideal. It also examines the significance of folklore traditions, historical and cultural perceptions, and narrative techniques in revealing the character's inner world. This approach provides a deeper understanding of the novel's ideological and aesthetic content and highlights its importance in preserving the spiritual heritage of the Karakalpak people.

Введение

Роман Т.Каипбергенова «Сказание о Маман-бии», открывающий диологию «Дастан о каракалпаках», занимает особое место в истории каракалпакской прозы как одно из первых развёрнутых художественных воплощений национально-исторического материала средствами романного повествования. Обращаясь к биографии реального исторического деятеля – Маман-бия, возглавившего посольство каракалпакского народа в Санкт-Петербург в 1743 году и добившегося грамоты о принятии каракалпаков в российское подданство, – писатель ставит перед собой задачу,

выходящую за пределы биографического жизнеописания: конструирование обобщённого национального героя, способного стать для формирующейся письменной традиции каракалпакской литературы тем же, чем для литератур с более долгой письменной историей являются герои классического эпоса.

Несмотря на значимость романа для истории каракалпакской литературы XX века, вопрос о конкретных художественных механизмах построения национально-этического идеала его центрального персонажа не получил до настоящего времени

достаточно полного освещения: исследователи чаще обращались к историко-биографической достоверности произведения, нежели к структуре самого образа героя как эстетической категории. Между тем именно эта структура – то, каким образом общечеловеческое этическое содержание получает в романе специфически национальную форму воплощения, – представляется ключевой для понимания художественного своеобразия произведения в целом.

Целью статьи является выявление и систематическое описание художественных средств, посредством которых в романе «Сказание о Маман-бие» конструируется национально-этический идеал героя. Задачи статьи: рассмотреть экспозиционную стратегию представления героя и лежащий в её основе архетипический синтез; охарактеризовать историческую трансформацию архетипа героя-воина в образе Мамана; определить механизм легитимации его социального статуса и роль дара красноречия как мерила героизма; показать эмоциональную диалектику образа; определить культурно-историческую функцию идеала для каракалпакской литературы второй половины XX века.

Анализ литературы

Проблема формирования национально-этического идеала героя в исторической прозе предполагает обращение к нескольким взаимосвязанным направлениям литературоведческой мысли: теории героического эпоса, сравнительному изучению национальных литератур, исторической поэтике романа и исследованиям каракалпакской художественной словесности. Особое значение в данном контексте приобретают труды, позволяющие рассматривать литературного героя не только как индивидуализированный художественный образ, но и как носителя коллективных представлений о нравственном достоинстве, общественном долге, мудрости и исторической ответственности. Применение такого подхода к роману Т. Каипбергенова «Сказание о Маман-бии» даёт возможность выявить закономерности художественного преобразования традиционных эпических моделей в соответствии с историческими обстоятельствами и культурными потребностями каракалпакского народа.

Фундаментальное значение для изучения архетипической природы национального героя имеют труды В. М. Жирмунского, посвящённые сравнительному исследованию тюркского героического эпоса. В работе «Тюркский героический эпос» исследователь рассматривает общие закономерности формирования эпического героя, устойчивость сюжетных моделей и типологические особенности героического поведения в тюркоязычных народных традициях [3, с. 86–103]. Предложенный учёным подход позволяет интерпретировать героизм как сложную систему представлений, включающую не только физическую силу и воинскую доблесть, но и верность коллективным интересам, способность преодолевать испытания и готовность нести ответственность за судьбу сообщества. В контексте романа Каипбергенова эти положения особенно важны для определения соотношения между традиционным образом батыра и образом исторического деятеля, чьи достижения связаны преимущественно с дипломатической деятельностью, политической предусмотрительностью и искусством убеждения.

В трудах В. М. Жирмунского, посвящённых сравнительному литературоведению, также разработаны принципы выявления типологических соответствий между литературными явлениями различных народов [2, с. 66–92]. Сопоставительный подход позволяет устанавливать общие структурные признаки героических образов, не сводя национальную

специфику произведения к механическому повторению универсальных моделей. Применительно к образу Мамана-бия это означает необходимость различать устойчивые признаки эпического героя и особенности их исторического переосмысления. Если в традиционной героической поэтике центральное место нередко занимает непосредственное военное противостояние, то в романе Каипбергенова героическое начало раскрывается посредством политического выбора, дипломатического диалога и способности отстаивать интересы народа в отношениях с более сильными государственными образованиями. Таким образом, сравнительно-литературоведческая методология создаёт теоретическую основу для рассмотрения Мамана как национального героя нового типа, сохраняющего связь с эпической традицией, но действующего в иных исторических условиях.

Существенное значение для анализа рассматриваемой проблематики имеет работа Е. М. Мелетинского «Введение в историческую поэтику эпоса и романа». Исследовательское внимание к закономерностям развития эпического и романного повествования позволяет рассматривать исторический роман как особую форму художественного освоения коллективного опыта и культурной памяти [7, с. 5–24]. В рамках такого подхода национальный герой выступает не только участником исторических событий, но и художественным воплощением представлений общества о собственном прошлом. Переход от эпического повествования к роману предполагает изменение способов изображения личности: герой получает более сложную психологическую характеристику, а его поступки соотносятся с конкретными социальными противоречиями и историческими обстоятельствами. Эта закономерность особенно отчётливо проявляется в произведении Каипбергенова, где биография исторического деятеля становится основой для осмысления общественных ценностей, политических интересов и нравственных ориентиров каракалпакского народа.

Важным аспектом теоретического изучения образа Мамана является соотношение документально-исторического материала и художественного обобщения. В работе В. М. Жирмунского «Введение в литературоведение» рассматриваются основные категории анализа литературного произведения, позволяющие разграничивать индивидуальную характеристику персонажа, его идейно-эстетическую функцию и систему художественных средств, посредством которых раскрывается авторская концепция [1, с. 369–403]. Применение этих положений к роману «Сказание о Маман-бии» помогает исследовать, каким образом сведения об исторической личности преобразуются в целостный художественный образ. При этом принципиально важно учитывать, что национальный идеал не тождествен биографическому портрету: он формируется благодаря отбору значимых эпизодов, организации конфликтов, системе противопоставлений и особому характеру взаимоотношений героя с народом. Именно эти элементы позволяют писателю представить конкретного исторического деятеля как выразителя более широкого нравственного и общественного опыта.

Историко-культурный контекст произведения раскрывается в исследованиях С. К. Камалова, посвящённых положению каракалпаков в XVIII–XIX веках и их взаимоотношениям с Россией и среднеазиатскими ханствами [5, с. 34–40]. Обращение к историческим условиям существования каракалпакского народа необходимо для понимания мотивов политического поведения Мамана и особенностей избранной им стратегии. В условиях сложных межгосударственных отношений деятельность представителя народа не могла ограничиваться

проявлением личной храбрости или демонстрацией военного превосходства. Она требовала умения оценивать соотношение сил, учитывать последствия принимаемых решений и находить способы защиты коллективных интересов. С этой точки зрения дипломатическая миссия Мамана приобретает в романе значение самостоятельной формы героического действия. Историческая конкретизация образа позволяет объяснить, почему мудрость, рассудительность и красноречие оказываются не второстепенными качествами персонажа, а определяющими критериями его общественной значимости.

Вопросы становления и развития каракалпакской прозы, а также творческого наследия Т. Каипбергенова представлены в исследованиях, посвящённых национальной литературной традиции. В статье М. Д. Бекбергеновой, рассматривающей типологические связи в каракалпакской прозе, актуализируется необходимость изучения литературных явлений в системе историко-культурных и художественных взаимодействий [8]. Данный исследовательский ракурс позволяет рассматривать роман «Сказание о Маман-бии» в контексте формирования национальной исторической прозы, которая усваивает традиционные формы народного повествования и одновременно использует возможности современного романа. Для анализа центрального персонажа это означает необходимость учитывать как его связь с фольклорно-эпическими представлениями о достойном предводителе, так и индивидуализированные особенности поведения, речи и нравственного выбора. Синтез этих элементов способствует формированию образа, в котором национальная традиция не воспроизводится в неизменном виде, а получает новое художественное содержание.

Особого внимания заслуживает исследование М. Д. Бекбергеновой, посвящённое типологии концепции личности в творчестве Төлепбергенова Каипбергенова [9]. Обращение к проблеме человека в художественной системе писателя позволяет соотнести индивидуальные качества персонажа с его общественной функцией и авторским пониманием нравственной ответственности. В этом аспекте Маман-бий представляет интерес как герой, чья личная судьба тесно связана с коллективными интересами. Его поведение оценивается не только с точки зрения индивидуального успеха, но и в зависимости от того, насколько принимаемые им решения отвечают потребностям народа. Подобная организация образа формирует особую модель национального лидерства, основанную на соединении личной нравственной состоятельности, интеллектуальной зрелости и общественного служения. Вместе с тем для полноценного понимания этой модели необходимо анализировать конкретные эпизоды произведения, поскольку именно через систему поступков, диалогов и конфликтов раскрывается соотношение личности и исторической необходимости.

Национальная специфика героического образа не может быть исчерпывающе раскрыта без обращения к традициям каракалпакского народного эпоса. В этом отношении важны труды К. Алламбергенова, посвящённые народному дастану «Едиге», а также мифу, сказке, истории и дастану как взаимосвязанным формам культурной памяти [13; 14]. Изучение эпических произведений позволяет выявить устойчивые способы художественного выражения представлений о справедливости, общественном долге, достоинстве предводителя и ответственности перед народом. Сопоставление этих традиций с романом Каипбергенова даёт возможность определить, какие элементы эпического мышления сохраняются в изображении Мамана, а какие подвергаются

существенному преобразованию. При этом важно учитывать различие между фольклорным героем, чьи качества часто приобретают обобщённо-символический характер, и персонажем исторического романа, чьи решения мотивированы определёнными политическими обстоятельствами и раскрываются в развитии психологически сложного характера.

В контексте изучения национальной модели личности значимым представляется и вопрос о соотношении воинской доблести, мудрости и общественного признания. Традиционный батырский идеал предполагает способность защитить народ, противостоять внешней угрозе и продемонстрировать личное мужество. Однако в произведении Каипбергенова эти качества не становятся единственным критерием героического достоинства. Образ Мамана раскрывается через способность слушать людей, понимать их переживания, находить убедительные аргументы и представлять интересы сообщества перед политическими руководителями. Поэтому его героизм целесообразно рассматривать не как отрицание батырской традиции, а как её историческое переосмысление. Воинская решительность и внутренняя стойкость сохраняют ценность, но получают иное практическое выражение — в готовности принять ответственность за судьбу народа и действовать в условиях неопределённости.

Отдельное направление литературоведческих исследований связано с осмыслением исторической прозы Каипбергенова как формы национального самопознания. В публикации «Т. Каипбергенов: творчество и развитие каракалпакской литературы» творчество писателя рассматривается в связи с процессами становления и развития национальной словесности [16]. Этот контекст позволяет поставить вопрос о культурной функции романа «Сказание о Маман-бии»: изображение исторической личности становится способом художественного осмысления прошлого и определения нравственных ориентиров для современников писателя. Национальный герой в подобной системе не только олицетворяет значимые качества своего времени, но и включается в процесс формирования коллективного представления о достоинстве, исторической преемственности и общественном единстве.

Важным для определения литературного значения образа Мамана является также исследование Н. Ю. Зайровой, посвящённое эволюции национального героя в трилогии Т. Каипбергенова «Дастан о каракалпаках» [15, с. 100–101]. Само обращение исследователя к эволюции национального героя в рамках произведения крупной повествовательной формы подчёркивает перспективность изучения этого образа не изолированно, а в связи с общей художественной концепцией цикла. Вместе с тем анализ первой книги требует самостоятельного рассмотрения специфики становления Мамана, поскольку именно в ней формируются основные нравственные и социальные характеристики персонажа. Особое значение приобретают начальные эпизоды, в которых обозначается связь героя с мудростью и воинской доблестью, а также сцены общественного признания, раскрывающие характер отношений между личностью и народом. Рассмотрение этих элементов позволяет конкретизировать механизм формирования национального идеала и определить его отличие от более традиционной модели героя-батыра.

В статье М. Ломуновой «Живой исток современности» внимание обращено к значению литературного наследия и его связи с актуальными культурными процессами [6, с. 220–221]. В рамках изучения романа Каипбергенова данная проблематика позволяет рассматривать исторический образ не только как реконструкцию прошлого, но и как средство

передачи нравственного опыта между поколениями. Герой приобретает общенациональное значение тогда, когда его личные качества и поступки выходят за пределы индивидуальной биографии и становятся предметом коллективной памяти. В «Сказании о Маман-бии» подобная функция реализуется посредством сочетания исторического материала, элементов народного повествования и художественного осмысления общественного служения. При этом устойчивость образа обеспечивается не столько внешними признаками героизма, сколько нравственным содержанием поступков и их значением для судьбы сообщества.

Несмотря на наличие исследований, посвящённых теории героического эпоса, исторической поэтике, каракалпакской прозе и творчеству Т. Каипбергенова, проблема синтеза архетипов батыра и мудреца в образе Мамана требует специального комплексного рассмотрения. В частности, нуждаются в последовательном анализе композиционная организация образа, художественная функция состязания в мудрости, особенности общественного признания героя, роль красноречия в системе его нравственных качеств и преобразование традиционного воинского идеала в исторически обусловленную модель дипломатического служения. Не менее значимо исследование эмоциональной стороны характера, в которой сострадание и внутренняя восприимчивость сочетаются с необходимостью сохранять волевую устойчивость в критические моменты.

Анализ научной литературы позволяет определить теоретические и историко-культурные основания изучения национально-этического идеала в романе «Сказание о Маман-бии». Труды В. М. Жирмунского и Е. М. Мелетинского создают основу для исследования архетипических и историко-поэтических закономерностей формирования героя; работы С. К. Камалова помогают раскрыть исторические условия его деятельности; исследования М. Д. Бекбергеновой, К. Алламбергенова, Н. Ю. Зайровой и других авторов позволяют соотнести образ Мамана с развитием каракалпакской прозы и национальной литературной традицией. На этой основе представляется возможным рассматривать Мамана-бия как художественное воплощение обновлённого национального идеала, в котором воинская стойкость, житейская мудрость, красноречие, нравственная отзывчивость и политическая ответственность образуют единую систему ценностей. Научная значимость такого подхода заключается в выявлении конкретных художественных механизмов, посредством которых традиционные представления о героизме преобразуются в романе в соответствии с историческим опытом и культурными потребностями каракалпакского народа.

Методология

Методологическую основу исследования составляют историко-генетический, структурно-типологический, сравнительно-литературоведческий и герменевтический методы. Историко-генетический метод применяется для выявления взаимосвязи художественного образа Мамана-бия с историческими условиями развития каракалпакского народа XVIII века. Структурно-типологический метод позволяет определить особенности синтеза архетипов батыра и мудреца в системе персонажей романа Т. Каипбергенова «Сказание о Маман-бии». Сравнительно-литературоведческий подход используется для установления преемственности между традициями тюркского героического эпоса и исторической прозой. Герменевтический метод направлен на интерпретацию поступков героя, его диалогов и нравственных решений с учётом идейно-художественного содержания произведения.

Комплексное применение указанных методов обеспечивает выявление специфики национально-этического идеала героя и определение его роли в художественной концепции романа.

Результаты

Национально-этический идеал героя заявляется в романе Каипбергенова не описательно-портретным, а пространственно-композиционным способом. Уже в первой сцене произведения юный Маман изображён бегущим между двумя всадниками и ведущим под уздцы их коней: «Слева... Мурат-шейх... Справа – Оразан-батыр» [4, с. 2]. Данная сцена представляет собой символическую формулу дальнейшей эволюции героя: расположенный между наставником-мудрецом и наставником-воином, Маман с первых страниц предстаёт срединной, связующей фигурой, которой предстоит соединить в себе два традиционных для тюркоязычной героики типа личности. Подобная дуальная модель идеала, сочетающая доблесть и мудрость в пределах одной, наиболее совершенной фигуры, восходит, как показано в исследованиях по исторической поэтике тюркского героического эпоса, к устойчивой архаической традиции [3, с. 86–103].

Синтетический характер идеала подтверждается и прямой сюжетной проверкой героя. В эпизоде состязания в мудрости у векового дуба на вопрос о том, как узнать человека, скрывающего тайное горе, соперник Мамана – Есенгельды, сын знатного бая, – отвечает заученной, благочестиво-показной формулой о молитвенном коврике как «лучшей на свете постели» [4, с. 40], тогда как сам Маман отвечает не вычитанной, а пережитой мудростью: «Потому что мы горе видим, закрыв глаза» [4, с. 41]. Этот ответ, немедленно располагающий к герою и зная, и простой народ, демонстрирует приоритет подлинного, экзистенциально освоенного знания над знанием формальным. Итог испытания подводит сам Гаип-хан: «Что-то в нём есть и от шейха, и от батыра. Смесь недурна» [4, с. 42]. Оба архетипа личности – батыр и шейх – не распределены в романе между разными персонажами, а изначально синтезированы в фигуре одного героя: само становление Мамана есть становление такого, объединяющего оба начала национального идеала.

Ключевым результатом описанного синтеза становится существенное смещение содержания героического идеала. Успех Мамана в состязании мудрости не уравнивается, а последовательно замещает собой традиционный воинский путь самоутверждения: герой, при всей засвидетельствованной физической смелости [4, с. 127–129], не одерживает на протяжении романа ни одной воинской победы над внешним врагом в собственно эпическом смысле, решая судьбу своего народа исключительно средствами дипломатии и точно выверенного слова. Центральная политическая формула романа – «Мы народ малый... Но наш голос услышат!» [4, с. 90] – утверждает превосходство слова над мечом применительно к историческому положению малочисленного, не располагающего военной мощью народа.

Данное расхождение с классической моделью героя-воина представляет собой сознательную историческую трансформацию архетипа героя тюркоязычного героического эпоса, добывающего благополучие народа единоборством с внешним врагом, – архетипа, воплощённого в таких фигурах, как Алпамыс и Кобланды [3, с. 197–223]. Национальный идеал героизма закономерно смещается у Каипбергенова от парадигмы героя-воина к парадигме героя-мироотворца и героя-дипломата, что мотивировано объективным историческим положением каракалпакского народа середины XVIII века, зажато между более сильными соседями и объективно неспособного отстоять свою

судьбу оружием. Роман фиксирует недоумение персонажей, воспитанных в парадигме воинской чести (аткосшы Сейдулла, старый шейх), перед подобной сменой критериев героизма, однако весь ход сюжета – успешное посольство 1743 года и дарованная грамота о принятии в российское подданство – последовательно подтверждает историческую правоту миротворческой стратегии героя.

Эталон спокойного, лишённого аффектации приятия смерти во имя общего дела закладывается в романе не в самом заглавном герое, а поколением раньше – в фигуре его отца, Оразан-батыра, чья добровольная смерть ради прекращения кровной мести совершается без колебания и представлена как высшая манифестация героического достоинства; этот эталон затем наследуется, хотя и не буквально повторяется, самим Маманом, чья гибель остаётся за пределами прямого сценического изображения романа.

Особого внимания заслуживает то, каким образом герой обретает и легитимирует свой особый, признанный обществом статус. Статус Мамана как бия обретается не по праву рождения и не по ханской милости, а через прямое, демонстративно тематизированное коллективное волеизъявление простого народа, преодолевающее нерешительность самой ханской власти: «чёрные шапки» настойчиво требуют немедленного публичного признания заслуг героя («Мамана! Объявляйте Мамана! Хотим Мамана!» [4, с. 43]), вынуждая Гаип-хана совершить обряд посвящения («Сажаем тебя на коня, сын батыра. Отныне ты – Маман-бий!» [4, с. 44]). Легитимность этого посвящения возводится в романе к архаической, восходящей к родовому строю модели меритократического, а не наследственного лидерства. Национально-этический идеал оказывается, тем самым, неразрывно связан с идеалом народовластия в его традиционной, домодерной форме.

Обсуждение

Главным же мерилom национально-этической состоятельности героя в сфере повседневных отношений выступает в романе дар красноречия – черта, глубоко укоренённая в традиционной культуре кочевых народов Центральной Азии, где статус бия исторически определялся прежде всего признанным мастерством слова и судейской мудростью [5, с. 34–40]. Именно эта грань идеала выходит на первый план в сценах прямого, ломающего сословную иерархию обращения Мамана к простому народу аула («Никого никогда так не слушали в ауле рода ябы... Чернота, голода с ним разговаривала» [4, с. 137]), в его психологически тонком диалоге с оренбургским губернатором Неплюевым [4, с. 92–94], наконец, в его выступлении перед российским Сенатом и императрицей [4, с. 196–204]. Развитое, содержательно наполненное красноречие признаётся в романе безусловной национальной добродетелью: способность Мамана вести дипломатически выверенный диалог расценивается не как отступление от простодушной естественности, а как высшее проявление национального идеала, сближающее героя-дипломата с традиционным для степной культуры почитанием ораторского мастерства как формы социальной мудрости.

Обращение Мамана к простому люду на аульном собрании содержательно подготавливает и легитимирует дальнейшее коллективное политическое решение об обращении к России – решение, принимаемое не волей одних биев, а с согласия широких масс простого народа, что придаёт демократической открытости героя конкретное, институционально значимое политическое измерение.

Национально-этический идеал Мамана строится на диалектическом единстве душевной отзывчивости и волевой ответственности. Ещё в юности герой

переживает первое сострадательное чувство при виде чужого горя, представленное в романе не как слабость, а как желанное нравственное обретение: «навернулись слёзы, и слёзы эти были ему желанны» [4, с. 18]. Позднее, уже признанным вождём, он впервые на людях открыто плачет перед собравшимся народом [4, с. 259], получая от Мурат-шейха содержательно значимую отповедь: «когда голова народа плачет, глаза его сухи» [4, с. 259], – поскольку от предводителя народа в час бедствия ожидают не разделённого горя, а слова, способного вывести людей из отчаяния.

Существенной чертой идеала выступает и его структурно-постоянный, а не эпизодически проявляемый характер самоотречения: герой на протяжении всего повествования остаётся бездетным и не создаёт собственной семьи, что представлено в романе как атрибут самой функции национального вождя, обязанного полностью раствориться в судьбе своего народа. Испытание идеала реализуется и как добровольное согласие героя на объективно рискованное предприятие ради общего дела: перед отправлением посольства в Петербург повествователь останавливается на тревожной неопределённости его исхода («Пожелаем и мы доброго пути Маман-бию... И вернётся ли?» [4, с. 165]), а трёхмесячное путешествие предпринимается героем, уже достигшим прочного положения бия дома, то есть не вынужденно, а сознательно, ради судьбы народа.

Идеал героя выстраивается не только позитивным изображением его добродетелей, но и оттенением галереей анти-идеальных фигур из нескольких национально-политических сред: хан Абулхаир третирует просителей, отказывая им в элементарном достоинстве собеседников («Мне не пристало помнить все басни о том, кто вы есть» [4, с. 89]); Гаип-хан проявляет мелочную жестокость к сироте Аллаяру [4, с. 42] и интригует против соперничающих родов [4, с. 160]; заносчивый Кали, глумящийся над памятью Оразан-батыра ради оправдания нового кровопролития [4, с. 129], воплощает вырожденную пародию на воинскую доблесть. Множественность сред, в которых представлен анти-идеал – казахская ханская, каракалпакская родовая, отчасти российская придворная, – подтверждает надэтнический характер этической системы романа.

Национально-этический идеал героя, рассмотренный выше, выполняет в романе Каипбергенова функцию, существенно отличную от той, какую подобный идеал выполняет в литературах с уже сложившейся, зрелой письменной традицией. Создавая биографию реального исторического деятеля, писатель конструирует для своего народа литературный аналог основополагающего эпического героя – фигуру, сопоставимую по культурной функции с героями классического батырского эпоса, но действующую в исторически конкретном, документально удостоверяемом времени.

Показательно, что идеал Мамана не находит в романе персонифицированного продолжателя среди других действующих лиц: он сохраняется не в судьбе конкретного преемника, а в самой форме устного предания – в имени, вынесенном в заглавие произведения и превращающем документированную биографию исторического деятеля в живое, передаваемое из поколения в поколение «сказание». Растворение персонального идеала в анонимной, коллективной форме народной памяти соответствует наблюдаемой в теории исторической поэтики закономерности перехода героического содержания из личностно-биографического плана в план общенародного предания [7, с. 5–24] и отвечает культуросозидающей функции образа Мамана-бия для ещё формирующегося национального канона каракалпакской литературы.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что национально-этический идеал героя в романе Т. К. Каипбергенова «Сказание о Маман-бии» строится как вертикальный синтез двух традиционных архетипов тюркоязычного героического эпоса – воина-батыра и мудреца-провидца, – заявленный уже в экспозиционной мизансцене романа и подтверждённый его последующим сюжетным развитием. Данный синтез влечёт за собой сознательную историческую трансформацию классического архетипа героя-воина в фигуру героя-миротворца и героя-дипломата, продиктованную объективным историческим положением каракалпакского народа середины XVIII века. Легитимация особого статуса героя реализуется через меритократически-народовластную, а не сословно-наследственную модель, а главным мерилом его национально-этической состоятельности выступает дар красноречия, укоренённый в традиционной культуре кочевых народов степи. Существенным элементом идеала является и тематизированная

эмоциональная диалектика героя, соединяющая душевную отзывчивость с волевой ответственностью, а также структурно-постоянный характер его самоотречения.

Совокупность рассмотренных решений позволяет заключить, что национально-этический идеал героя в романе Каипбергенова выполняет по отношению к каракалпакской литературе культуросозидающую, основополагающую функцию: писатель конструирует для ещё формирующегося национального письменного канона фигуру, сопоставимую по культурному статусу с героями классического эпоса, но действующую в исторически конкретном, документально удостоверяемом времени. Дальнейшее изучение романа «Сказание о Маман-бии» в аспекте национально-художественного своеобразия – специфики его языка и функций пейзажной образности – представляется перспективным направлением дальнейших исследований каракалпакской исторической прозы XX века.

Список использованной литературы

1. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: Курс лекций. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – С. 369–403.
2. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. – Л.: Наука, 1979. – С. 66–92.
3. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос: Избранные труды. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – С. 86–103, 197–223.
4. Каипбергенов Т. Дастан о каракалпаках. Сказание о Маман-бии. Кн. первая / пер. с караалп. А. Пантелеева, З. Кедриной. – Ташкент. – 504 с.
5. Камалов С. К. Каракалпаки в XVIII–XIX веках (к истории взаимоотношений с Россией и среднеазиатскими ханствами). – Ташкент: Фан, 1968. – С. 34–40.
6. Ломунова М. Живой исток современности // Вопросы литературы. – 1983. – № 12. – С. 220–221.
7. Мелетинский Е. М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М.: Наука, 1986. – С. 5–24.
8. Бекбергенова М. Д. Изучение типологических связей в каракалпакской прозе // Science Time. — 2023. — DOI: <https://doi.org/10.66345/stj.v1i1.193>.

9. Бекбергенова М. Д. Тэлепперген Қайыпбергеновтың дәретіўшилигинде инсан концепциясы типологиясы // Наука и общество. — 2019. — № 2.
10. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение: Восток и Запад. — Л.: Наука, 1979. — 493 с.
11. Каипбергенов Т. Сказание о Маман-бии: дастан о Каракалпаках. — М.: Известия, 1984. — 576 с.
12. Нуржанов П. Э. Своеобразие развития каракалпакского романа 80-х годов XX века // КиберЛенинка.
13. Алламбергенов К. Қарақалпақ халық дәстаны «Едиге». — Нөкис: Билим, 1995.
14. Алламбергенов К. Миф, ертеке, тарих хәм дәстан. — Нөкис: НМПИ баспаханасы, 2014.
15. Зайрова Н. Ю. The Evolution of the National Hero in T. Kayipbergenov's Trilogy "Dastan about the Karakalpaks" // Zamonaviy dunyoda ijtimoiy fanlar. — 2026. — Т. 5, № 20. — С. 100–101.
16. Т. Каипбергенов: творчество и развитие каракалпакской литературы // Ziyouz. — 2015.